
Место мечетей с минаретами в распространении ислама в Северном Приаралье: на казахских материалах конца XIX – начала XX вв.¹

Бекназаров Р.А.

Автор анализирует данные собственных новейших этноархеологических изысканий, позволивших уточнить роль культовых сооружений, минаретов, в распространении ислама на территории современного Казахстана.

Ключевые слова: башни-минареты, ислам, Казахстан, этноархеология

Author analyzes his own newest ethno-archeological researches that made it possible to clarify role of ceremonial buildings in Islam expansion on the territory of modern Kazakhstan.

Keywords: prayer-towers, Islam, Kazakhstan, ethno-archeology

Одним из сложнейших, но интереснейших вопросов современной исторической науки является проблема распространения ислама на территории Казахской степи, и в частности, в Северном Приаралье. Как известно, первые факты проникновения ислама на территорию Южного Казахстана отмечаются уже с VIII в. (после Таласского сражения 751 г.), строительства скальных и подземных мечетей на полуострове Мангышлак (Шакпак-ата, Шопан-ата и др.) в XI в. [5, с. 357; 2, с. 34; 4; 15; 17] и т.д.

Однако в силу объективных причин кочевого быта и хозяйства, ислам не имел той адекватной силы, как, например, в среде представителей оседлых народов Средней Азии. И такая ситуация сохранялась вплоть до XIX в. В частности, в работе русского ученого П.И. Рычкова «Топография Оренбургской губернии», изданной в 1762 г., приводятся некоторые факты из религиозной жизни казахов: «...вера у них (т. е. у казахов – Р.Б.), как и у прочих татар, магометанская. Но понеже между ими грамотных людей и абызов весь мало, то они и содержат закон сей слабо, и никаких мечетей в орде у них нет» [20, с. 86]. В западной историографии до сих пор бытует мнение о распространении ислама через русскую экспансию. «В течение русского завоевания, в XVIII веке, они (т. е. казахи — Р.Б.) не были еще мусульманскими, и ими они стали при соприкосновении с русскими служащими. Им построили мечети, им послали муллу; понемногу они к этому приучились, но их религиозное усердие еще очень умеренно» — отмечает, например, в своих работах И. Войеков [24, с. 334].

Несомненно, одной из причин утверждения такого мнения в западной историографии являлось реальное влияние русско-

¹ Статья подготовлена при поддержке грантового проекта Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК «Приспособления социума к изменениям в культуре: на примере казахов Западного Казахстана середины XIX – начала XX вв.» Института истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова КН МОН РК (ГФ № 0086, рук. Р.А. Бекназаров).

го самодержавия на восточных территориях империи, включая и Казахстан, укрепления позиции империи и не в последнюю очередь в области религиозной политики, что отражалось, в частности, в императорских указах. Например, 28 января 1783 года выходит именной указ Екатерины II «О дозволении подданным магометанского закона избирать самим у себя ахунов» [19, с. 104].

С этого момента прекращается практика утверждения мулл из среднеазиатских государств. Начинается целенаправленное распространение «нужного» ислама на восток, ускоренное строительство мечетей в казахских степях, находя в этом «действенное средство вовлечения тамошних народов в российское подданство и держания их в повинований...», а также, что «такое сооружение мест для публичной молитвы привлечет и прочих в близости кочующих или обитающих к границам нашим: сие и может послужить со временем к воздержанию их от своевольств лучше всяких строгих мер» [19, с. 105].

Конечно, следует признать, что такое «потепление» позиции самодержавия являлось вынужденным из-за резкого обострения антиколониального движения народов Поволжья и Казахстана. Не менее важное влияние на изменение отношения колониальной системы к религиозному вопросу оказали русско-турецкие и кавказские войны. Уроки этих событий, по мнению Е. Смирнова, должны были учитываться в последующем при колонизации русского мусульманского Востока, т. к. «значительно более сильный отпор, если не активный, то пассивный, окажут сарты, таджики и вполне омусульманившиеся турки, смотрящие на себя как на свет и опору ислама, сохранившегося здесь в большей чистоте, чем где-либо» [22, с. 272].

Заметим также, что аналогичная работа проводилась и с южного направления еще с XV–XVI вв., а именно «приручение» ведущих и признанных религиозных деяте-

лей, налаживание контроля за мечетями и т. д. [6, с. 254]. Отметим, что большая часть кочевых казахов, наряду с кочевниками-туркменами, на фоне оседлых народов Средней Азии, действительно продолжительное время выглядела как «язычники». Пастба скота, непрерывное кочевание объективно не давали тех возможностей, которыми обладали оседлые народы. Поэтому ислам в кочевой среде (если так можно выразиться «степной ислам») претерпевал некоторые трансформации. В целом ислам, по мнению А.К. Муминова, в этом регионе условно подразделяется на «ислам в оседлых регионах — Мавераннахре и ислам в кочевых регионах — Туркестане (мусульманские регионы к востоку от Сырдарьи)» [16, с. 109]. При этом последний, в зависимости от среды бытования, имеет свои особенности (мусульманские общества казахов, каракалпаков, кыргызов и т. д.). И здесь определяющую роль играли такие факторы, как бытование ислам, суфизм и культ святых [16, с. 113; 3; 10; 18].

Зачастую в качестве мечетей казахи Северного Приаралья использовали собственные юрты — «өз үйім — менімім» (мой дом, моя мечеть). Аналогичную же ситуацию отмечал М.Н. Галкин у туркмен восточного побережья Каспийского моря. Для этого они «устривают отдельные на зиму кибитки; а летом вырывают круглую большую яму, в которой сходятся молящиеся, оставляя верхнюю обувь у спуска в нее, или за насыпью, которой окружают подобные молельни» [11, с. 35]. В качестве мулл приглашались религиозно образованные казахи, «сарты, оренбургские и сибирские татары» [21, с. 25]. Как отмечал в 1771 г. Н. Рычков, казахи «не имеют собственных своих священников; но вместо того в осеннее время посещают их Ходжи, Ахуны и Муллы, приезжающие из Ташкента, Туркестана и Хивы» [14, с. 26].

Некоторую часть мулл составляли пленники казахов из числа представителей среднеазиатских народов. Например, у Букеева хана служили три муллы — Мурсалим

Муртазаев, Абдрияш Кутушев и Наис Мухамадрахимов, которые были взяты в плен, женились на казахках, «имеют детей, а сие причины и обязывают кочевать у хана Букея». Первый из них в 1801 г., «когда Букей перешел в российское подданство, в то время с ним прибыл на сию сторону», т. е. получил русское гражданство [13, л. 11].

Как показывают исторические источники и полевые этнографические материалы, строительство мечетей в степной части Северного Приаралья начинает набирать силу с переходом казахов к полуседлости, с образованием здесь стационарных поселений и жилищ, т. е. с конца XVIII до начала XX вв. И здесь четко прослеживается борьба двух направлений распространения ислама в среде казахов: с юга религиозных школ Туркестана, Хивы, Бухары, в большей степени суфийского направления, и с севера официальных теологических центров Казани и Уфы. Новейшие полевые изыскания этноархеологов Казахстана дают в некоторой степени условную границу сфер влияния этих двух направлений распространения ислама — это бассейн реки Эмба, южные отроги гор Мугаджар, нижнее течение реки Иргиз, вплоть до местности Курдым.

Основными типами мечетей в северной части нами условно проведенной границы являются мечети «татарского типа», в которых имеется помещение (куда помимо основного молельного зала входят тамбур, кебисхана, библиотека) прямоугольной планировки, ориентированной продольной осью с ЮЮЗ на ССВ, с северной стороны которых возводился минарет (на крыше, над входом, в углу здания) [23, с. 162–163].

Как отмечает В.В. Бартольд, минарет завершался мусульманским знаком полумесяца, «как религиозный символ, имевший для мечетей то же значение, как крест для христианских храмов», однако он был характерен «не для ислама вообще, но специально для турецко-османского ислама, и напри-

мер на туркестанских мечетях не встречался до русского завоевания» [12, с. 476]. В юго-западной стене мечети обязательно делается михрабная ниша. Они возводились из разного строительного материала: дерева (мечеть в местности Уштерек в Нарын-кумах), камня (мечеть Атыюлла-Казырета бассейна р. Илек) [7, с. 188], красного жженого кирпича (мечеть Самурата, пос. Жабасак, водораздел Иргиз–Олькейек, «Қожасайдың көк мешіті» на Эмбе) [1, с. 166–167], сырцового кирпича (мечеть Жоламана, район Саздинского водохранилища, южнее г. Актобе) [9, с. 191], иногда использовали и дерн—шым (мечеть Дильмагамбета, юго-восточные отроги гор Мугаджар) [8, с. 103].

В качестве яркого примера мечетей «татарского типа» приведем памятники долины Ыргыза и его притоков. К ним следует отнести, в частности, кирпичное строение в комплексе с культово-жилищными сооружениями конца XIX — начала XX вв.

В Айтекебийском (бывшем Карабутакском) р-не в 5 км к югу от пос. Белькопа развалины **мечети рода култас-тортқара** («Дильмағанбеттің мешіті»), у которой еще

Рис. 1. Минарет мечети рода култас-тортқара («Дильмағанбеттің мешіті»). Фото С.Е. Ажигали

в конце прошлого столетия С.Е. Ажигали зафиксировал отдельно стоящий минарет из жженого кирпича высотой более 11 м и оплывшие следы планировок служебных и хозяйственных помещений. По сведениям старожилов, мечеть была построена в 1905–1910 гг. под руководством мастера Ольденногая, здание ее было разобрано в 1937 г., а кирпичи использованы на строительство в райцентре Карабутак (рис. 1). Сейчас населением пос. Белкопа и казахами рода култас-торткара на месте мечети построено новое современное здание из силикатного кирпича.

Далее в южном направлении к озеру Курдым расположена **мечеть акына Дюйсемби**, которая по данным С.Е. Ажигали, строилась в 1909–1913 гг. «приглашенными мастерами из Оренбурга (или Уфы?), но под руководством акына (ишана) Дюйсемби Имашулы из рода шомекей-тока на средства местного населения. Мечеть прямоугольного плана (9,60 × 24,20 м), вытянута по оси СВ–ЮЗ (рис. 2). Стены здания сложены из жженого кирпича, перекрытие балочно-бревенчатое (в настоящее время с шиферной кровлей). Над северо-восточным фасадом возвышается 8-гранная башня минарета (общая высота 19 м) с шатровым куполом, покрытым листовым железом. На противоположном фасаде выступает апсида мих-

Рис. 2. Мечеть Дүйсенби. Общий вид с востока. Фото Р. Бекназарова, 2007 г.

раба. Плоскости стен расчленены нишами, окнами, лопатками, имеются два дверных проема: в юго-восточной и северо-восточной стенах. Специфична конструкция перекрытий проемов и окон — «арками» низкого подъема, в которых ощущается влияние архитектуры более северных районов — Поволжья и т. д. Интерьер здания первоначально делился на два помещения: одно из них со стороны минарета, где располагалась деревянная лестница, и второе — большое служебное помещение, в котором находился деревянный минбар у михраба» [2, с. 164].

Мечеть Исатая Сатыбалдыулы построена «в 1920-х гг. под руководством мастера Шомбала Бектасулы (рис. 3). Это аналогичное по двухчастной планировке здание из сырцового кирпича, к которому с севера примыкает минарет из жженого кирпича. Подъем на минарет осуществлялся посредством винтовой кирпичной лестницы. В юго-восточной стене здания устроен михраб с довольно интересным фронтоном над ним» [1, с. 164].

Заметим, что мечети бассейнов рек Северного Приаралья функционировали некоторыми изолированными группами, локально, почти одновременно во 2-ой половине XIX — начале XX вв. и главной (*бас мешит*, *жұма мешит*) среди них являлась самая крупная из них, например, мечеть Нурпеке-ишана в с. Карабутак, мечеть Самурата, пос. Жабасак и т. д. С утверждением советской власти в 30-х гг.

В XX в. мечети вышеуказанного региона в целом были подвержены специаль-

Рис. 3. Мечеть Исатая. Общий вид с северо-запада. Фото Р. Бекназарова, 2007 г.

ному целенаправленному разрушению или переданы под хозяйственные нужды вновь образуемых колхозов — складские помещения, магазины, школы и т. д. Минареты всех этих мечетей были разрушены или разобраны на строительный материал, который уже использовали для других хозяйственных построек.

Мечети «среднеазиатского типа», южнее нами выбранной условной границы — южные отроги Мугаджар, р. Ыргыз, в большинстве своем строились в местах вы-

хода источников пресной воды и составляли культово-жилищные комплексы, включающие в себя помимо самого здания мечети целый ряд подсобных и хозяйственных строений. Минареты отсутствовали. При этом все строения плотно примыкали друг к другу, имели общие смежные стены. Последние возводились из кирпича-сырца и саманного кирпича на глиняном растворе. В некоторых случаях мечеть строилась на мощном каменном фундаменте, однако зачастую под мечетью делалось искусственное возвышение

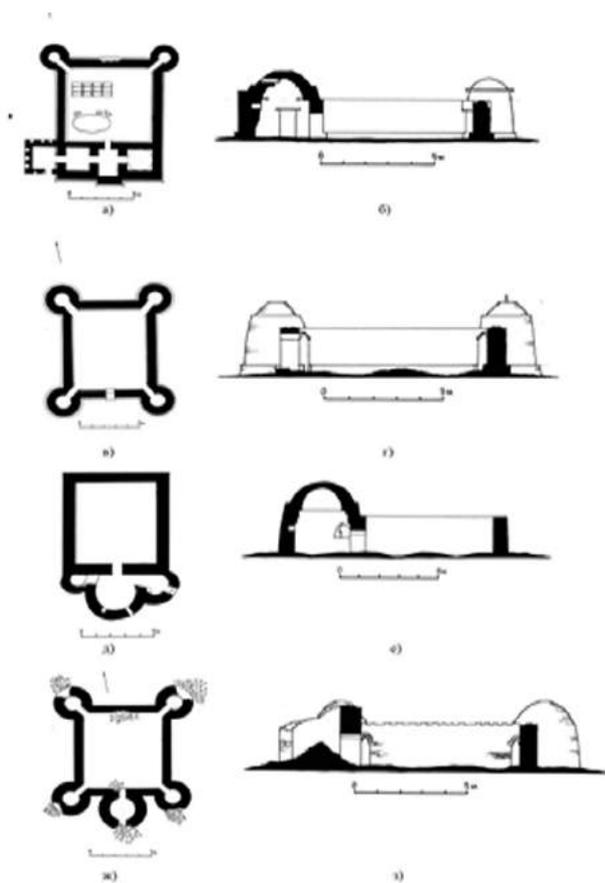

Рис. 4. а) план мазар Матыгула, кон. XIX — нач. XX вв.; б) разрез I—I мазара Матыгула, кон. XIX — нач. XX вв.; в) план могилы Баспак, кон. XIX — нач. XX вв.; г) разрез I—I могилы Матыгула, кон. XIX — нач. XX вв.; д) план могилы Уйтам (могила Гапара), кон. XIX — нач. XX вв.; е) разрез I—I могилы Уйтам (могила Гапара), кон. XIX — нач. XX вв.; ж) план объекта № 32 кладбища Мендиколь 3, кон. XIX — нач. XX вв.; з) разрез I—I объекта № 32 кладбища Мендиколь 3, кон. XIX — нач. XX вв.

из плотноутрамбованной глиняной заливки — стиллалабат. В силу сухости окружающей среды, строения из сырой глины и кирпича имели довольно большую физическую прочность. Перекрытие пространств производилось в форме куполов, проемы выполнялись в виде арочных сводов. В качестве перемычек использовали весь сподручный материал — дерево, каменные плиты, камышовые маты и т. д.

В 2005–2007 гг. на интересующих нас территориях было выявлены несколько уникальных, с точки зрения культовой архитектуры, каменных объектов, совмещающих в себе как функции могилы, так и мечети (могила Гаппара, Матыгул мазары, Баспак, Мендикол-3). Приведем более подробно архитектурное описание некоторых из них (рис. 4).

Могила Уйтам (могила Гаппара) близ зимовки Колькудык в 18 км на ЗСЗ от ст. Шокысу представляет собой отдельно стоящую каменную ограду прямоугольной планировки (общие размеры 7,28 × 11,78 м, высота стены ограды 2,05 м, высота центральной башни 3,85 м), вытянутой продольной осью с севера на юг (рис. 5). С южной стороны стена ограды выполнена в виде трех конусовидных башен с купольным завершени-

ем, центральная из которых более массивная и выше двух других крайних. Вход в сооружение сделан с юго-востока в стене малой башенки. Переходы внутри них, а также входной проем — арочной, стрельчатой конструкции. На входе в сооружение сделан порожек из крупного блока (сейчас вход в сооружение преднамеренно заложен местным населением мелкими каменными плитами для предохранения проникновения во внутрь ограды скота). Вход из центрального зала башни в другую малую башенку на половину высоты также заделан (внутри нее осветительного окна не имеется). В центральной башне от центра на запад сделана квадратная ниша, в юго-восточную сторону — сквозное окно (снаружи прямоугольное, внутри с арочным сводом). Внутренние стены всех башен оштукатурены глиняным раствором с добавлением мелкорубленного сена. В целом, камни кладки возведены аккуратно, с правильной перевязкой швов и уложены на глиняном растворе. Снаружи кладки стены на уровне перехода к куполу видны включения деревянных конструкций, которые очевидно служили в качестве опор парусов для равномерного распределения нагрузки. Купол башенок держится на цилиндрическом ба-

Рис. 5. Могила Уйтам (могила Гаппара), кон. XIX — нач. XX вв., общий вид с запада. Фото Р. Бекнизарова, 2005 г.

Рис. 6. Могила Баспак, кон. XIX – нач. XX вв., общий вид с юга. Фото Р. Бекназарова, 2005 г.

рабана и возведен за счет постепенного напуска камней кладки друг на друга. Сейчас, к сожалению, на стенах башен, а также проемах имеются сквозные трещины. С западной стороны ограды прислонен современный железобетонный кулпытас.

Кладбище Баспак в 10 км на СВ от зимовки Бобешик Саксаульского района Кызылординской области выделяется издалика прямоугольной массивной оградой с угловыми башнями с четырех сторон и центральным входным проемом в южной стене (общие размеры ограды 10,90×12,40 м, высота стены 1,94 м, высота башен 3,33 м). Стены сложены из плит серого с голубым оттенком песчаника на глиняном растворе (рис. 6).

В нижней части стены ограды возведен фундамент из циклопических блоков этого же материала. Вход в ограду в южной стене сделан со стрельчатым арочным сводом, выложен за счет анкерного сжатия плит песчаника. Точно также оформлены входы в башни юго-западной и северо-восточной частей. Вход юго-восточной и северо-западной башни — стрельчатый, треугольный, положен за счет опоры под углами двух плит. Башни цилиндрические сложены одновременно с кладкой стены основ-

ной погребальной камеры, на уровне роста человека, за счет напуска плит друг на друга идет постепенный переход к куполу. Верх куполов наглухо закрыт замковым камнем. В каждой башне на уровне перехода цилиндра основания стены к куполу сделано по два прямоугольных окна (противоположно друг другу). Проход в башни и внутренняя их часть штукатурились глиняным раствором, поверх которого проводилась затирка слоя с примесью измельченной слюды, мела и ракушек. Проемы в юго-западной, северо-западной, северо-восточной башен ориентированы с запада на восток, а в юго-восточной башне направление дано с ЮЮЗ на ССВ. Внутри ограды выявляются две могильные западины. Снаружи кулпытас отсутствует. На куполе северо-западной башни имеется шпиль из прямоугольной плиты. В целом, памятник отличного качества и является одним из уникальнейших памятников каменотесного и камнерезного дела казахов Западного Казахстана.

Мазар Матьгула расположен в 48 км на ЮЮЗ от пос. Коминтерн Иргизского р-на Актюбинской обл. на территории небольшого кладбища, состоящего из нескольких каменных оград и набросков. Памятник представляет собой каменную ограду (общие

Рис. 7. Мазар Матыгул, кон. XIX – нач. XX вв., общий вид с 3. Фото Р. Бекназарова, 2005 г.

размеры по периметру 11,9×11,9 м) с трехчетвертными башенными конструкциями с двух углов северной стены и трехкупольного сооружения в южной стене (рис. 7). Материал строительства — камень-плитняк из песчаника серого цвета на глиняном растворе. Стены возведены поверх фундамента, сложенного из циклопических плит этого же материала. Башни представляют собой цилиндрические сооружения, завершающиеся полусферическими куполками, переход к которому снаружи отмечен двумя рядами фриза. В верхней части купола установлен невысокий шпиль. Вход в ограду сделан в западной стенке крайней юго-западной башни. Перед входом имеется небольшой тамбур, с внешней стороны которого в стене сделаны квадратные ниши с деревянной перекладиной посередине (это ниши так называемой «кебисханы», т. е. посетители должны были снимать здесь перед входом внутрь памятника свою обувь). Стена тамбура изначально была построена до половины высоты стены ограды. Вход в основную ограду, а также все проходы решены прямоугольным завершением. Переход стен к куполу в башнях ограды решен за счет установки на углах крупных плит (треугольный парус), далее же идет кладка с постепенным напуском плит

друг на друга. На одном из рядов плит купола было оставлено небольшое окошко, ориентированное на южную сторону. Из центральной камеры памятника имеется вход в ограду, а также небольшое углубление—раструб в южной стене, которое сверху заканчивается прямоугольной нишей. На наш взгляд, оно выполняло функцию михрабной ниши. Стены всех трех камер оштукатурены глиняным раствором с добавлением мелкорубленного сена. Южная стенка с «раструбом», а также стенки проемов дверей сохранили следы побелки и штукатурки алебастром (смесь белой глины и извести) на высоту до уровня перехода к куполу. Ограда внутри имеет две могильные западины, одна из которых снаружи была выложена каменной кладкой (сейчас она завалена вовнутрь, первоначально, это могла быть ступенчатая сагана). Угловые башни внутри также штукатурились глиняным раствором с добавлением мелкорубленного сена до уровня перехода к куполу. Вход в башенки прямоугольный, очень узкий. Внутри осветительные окна не предусмотрены изначально. Купол наглухо закрыт массивным замковым камнем. С западной стороны памятника был установлен столбообразный камень, выполнявший роль кулпытаса, который сейчас, к большому сожалению, раз-

бит у основания и завален. Надписи на ее поверхности не замечено.

Как нам кажется, эти последние памятники — могила Гапара, Баспак и другие — несли в себе двойную нагрузку: как сооружение именно мемориально-культурное, т. е. совмещающее в себе функции мечети и места захоронения святого, и, на наш взгляд, как таковые мавзолеем не являющимся. Эти специфические сооружения в степи были, очевидно, возведены над захоронениями более ранних святых мест или над могилами ишанов, проповедников ислама, работавших в среде кочевников.

Памятники предназначались номаду, который во время перекочевки должен был поклониться святому месту, разувшись, пройти в купольную часть памятника, помолиться. Можно с большой долей вероятности предположить, что входные башенки в комплексе этих памятников выполняли именно функции мечети. Естественно, размеры памятников не могли вмещать большое количество паломников, но этого и не требовалось. Дисперсное размещение кочевого населения степи предполагало небольшое количество молящихся. Кочевник-казах мог прийти к святому месту и помолиться без посредников (муллы), т. к. суровые условия этих мест, в первую очередь безводие, не могли позволить стационарно проживать служителям мечети. И такие памятники, безусловно, заполняли религиозную лауну между оседлым населением Присырдарьинских территорий и полuosедлым населением бассейнов степных рек, как Иргиз, Эмба и др. конца XIX — начала XX вв. [9].

Традиция возведения таких строений в последующем получает свое развитие в возведении оград с входными проемами далеко в северном направлении. В частности, миниатюрные аналогии таких памятников мы отмечаем на территориях бассейнов рек Илек, Орь и т. д.

Как показали полевые этнографические экспедиционные исследования на территории Северного Приаралья, в особенности в бассейне р. Орь, на территории расселения представителей такого крупного племенного объединения как торткара (култас, аккииз), в начале XX в. сохранилась традиция возведения оград с массивными входными тамбурами типа могилы Гапара, однако в несколько упрощенном виде и из саманного кирпича.

Таким образом, мечети Северного Приаралья конца XIX — начала XX вв. в комплексе с казахскими некрополями и стационарными поселениями, а также отдельно возводимые мечети-ограды такие, как могила Гапара, мазар Матыгула и т. д., доказывают, что кочевое население казахской степи находилось под влиянием ислама. При этом религиозное влияние различных мусульманских центров на территории Северного Приаралья совпало по времени с переходом большей части населения степи к полукочевничеству в XIX — начала XX вв., что, конечно, отразилось и на самой природе кочевника-казаха, в частности, и в вопросах веры. Мечети «татарского типа» с минаретами превалировали на территориях севернее условно нами принятой границы, как южные отроги Мугаджар, бассейна р. Ыргыз. Мечети «среднеазиатского типа» в основном в качестве культово-жилищных комплексов сосредоточены в ареале песков Больших и Малых Борсык-кумов, далее на восток в сторону Устюрта и Жельтау. На приграничье этих культур в сторону р. Сырдарья в основном преобладали ограды, могилы Баспак, Мендиколь-3 и т. п. Т. е. эти памятники как бы заполняли «конфессиональную» лауну на промежуточной кочевой трассе кочевников исследуемой территории. И впоследствии эти традиции под влиянием официальной государственной религии приходят в упадок, сохраняя некоторое влияние лишь на небольших ареалах расселения таких родов, как торткара.

Литература

1. Ажигали С. Памятники Северного Приаралья // История и культура Арало-Каспия: сб. ст. — Алматы, 2001. — Вып. 1. — С. 150–183.
2. Ажигали С. Архитектура кочевников – феномен истории и культуры Евразии (памятники Арало-Каспийского региона). — Алматы, 2002. — 654 с.
3. Алимбай Н., Муқанов М.С., Аргынбаев Х. Традиционная культура жизнеобеспечения казахов. Очерки теории и истории. — Алматы, 1998. — 233 с.
4. Арало-Каспийский регион в истории и культуре Евразии: матер-лы II межд. науч. конф., посвященной 20-летию независимости Республики Казахстан. — Алматы-Актобе, 2011. — 404 с.
5. Астафьев А.Е. Новые направления изучения подземных мечетей Мангыстау // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. мат-лов Межд. науч. конф. — Алматы, 2010. — С. 351–358.
6. Бабаджанов Б. Среднеазиатское духовное управление мусульман: предыстория и последствия распада // Власть и общество в истории: матер. межд. летней школы молодых историков стран-участниц СНГ. — М., 2006. — С. 253–269.
7. Бекназаров Р.А. Новые данные по памятникам мемориально-культурной архитектуры на севере Арало-Каспия (бассейн р. Илек) // История и культура Арало-Каспия: сб. ст. / под общ. ред. С. Ажигали. — Алматы, 2001. — Вып. 1. — С.184–195.
8. Бекназаров Р.А. Отчет Актюбинской комплексной этноархеологической экспедиции 2005 г. — Актобе, 2005. — 111 с.
9. Бекназаров Р.А. Мечети Северного Приаралья (конец XIX — начало XX вв.): историко-этнографическое исследование // Отан тарихы. — 2007. — № 2. — С. 135–148.
10. Галиев В.З. Культура Казахстана во второй половине XIX — начале XX веков: учебное пособие по истории Казахстана с древнейших времен до наших дней. — Алматы, 1992. — С. 88–98.
11. Галкин М.Н. Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. — СПб, 1868. — 337 с.
12. Государственный архив Оренбургской области. Ф.б. Оп. 10. Д. 3487.
13. Дело об указе муллам Муртазаеву и Кутушеву об их пребывании в орде. 30 апреля 1812 г. // ГААО. Ф. 1. Опись 3. Том 2. Дело № 868. — 11 л.
14. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. — СПб., 1772. — 105 с.
15. Материалы 1-го и 2-го Симпозиумов по казахскому памятниковедению: Актобе, 15 сентября 2011; Атырау, 22–24 ноября 2012 г. — Алматы–Атырау, 2012. — 226 с.
16. Муминов А.К. Ислам в Центральной Азии: особенности в кочевой среде // Матер. межд. конф. «Урбанизация и кочевничество в Центральной Азии: история проблемы». — Алматы, 2004. — С. 108–116.
17. Муминов А.К., Нурманова А.Ш. Шапка-Ата: эпиграфика подземной мечети и некрополя. — Алматы, 2009. — 224 с.
18. Муштафина Р.М. Бытовой Ислам у казахов (XIX–XX вв.) (историко-этнографическое исследование): дис. ... док. ист. наук. — Алматы, 2006. — 322 с.
19. Ногманов А. Екатерина II: «...повелеваем... наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей Магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения» // Историко-документальный журнал «Эхо веков». — Казань, 1998. — № 1–2. — С.103–106.
20. Рычков П.И. Топография Оренбургская, т. е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. — Оренбург, 1762.
21. Смирнов А.П. Быт и нравы киргизов — изд. 2-е. — СПб., 1897. — 27 с.
22. Сыр-Даринская область. Описание, составленное по официальным источникам Е. Смирновым. — СПб., 1887. — 356 с.
23. Харузин А. Степные очерки (Киргизская Букеевская орда). Странички из Записной книги с 13 фототипными таблицами. — М., 1888. — 192 с.
24. Woeikof I. Le Turkestan russe. — Paris: A. Colin, 1914. — 360 p.